

Марина СЕРОВА

САМЫЙ УСПЕШНЫЙ ПРОЕКТ ГОДА

*Смешные
деньги*

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЕО
СТУДИО

XXX

Телохраниитель Евгения Охотникова

Марина Серова

Смешные деньги

«Научная книга»

Серова М. С.

Смешные деньги / М. С. Серова — «Научная книга»,
— (Телохранитель Евгения Охотникова)

Телохранитель Евгения Охотникова сразу поняла, что ее клиентка мисс Фридлендер что-то недоговаривает. Богатая бизнесменша из Америки приехала якобы с проверкой благотворительного фонда, существующего на ее деньги. Линда захотела собственными глазами увидеть облагодетельствованных ею несчастных. Но интуиция и на этот раз не подвела Женю. Вскоре она убедилась, что истинной целью приезда Линды была погоня за мифическим кладом, оставленным ее русскими предками. Женя оказалась в дурацкой ситуации: мало того, что на ней висела такая обуза, как трое чокнутых американцев – охотников за сокровищами, к погоне за мифическим богатством присоединились и наши, родные, бандиты...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Марина Серова

Смешные деньги

Глава 1

– Как тебе это понравится?! – негодуяше воскликнула тетя Мила, появляясь на пороге моей комнаты. – Здесь уверяют, что многие романы Чейза на самом деле написаны Грэмом Грином!

В подкрепление своих слов она потрясала какой-то толстой газетой. Другой рукой она, как утопающий соломинку, сжимала глянцевый томик Чейза, собрание сочинений которого она начала недавно перечитывать. Волнение тетушки можно было понять – такая коварная подмена Чейза Грином была несомненно вопиющим нарушением спокойствия моей любимой тети.

С тех пор как тетя Мила на пенсии, мир криминального чтива почти полностью заменил ей реальность, и судьба какого-нибудь вымышленного Лысого Риккарда волновала ее гораздо больше, чем смена правительства. Так что, повторяю, переживания тетушки можно было понять. Труднее было их разделить, хотя именно в сочувствии она сейчас нуждалась более всего.

Но последние дни я находилась в состоянии, которое удачнее всего характеризовалось омерзительным словом «ипохондрия», и мне самой не помешало бы немного сочувствия. Никаких особенных причин для уныния не было. Просто в моей профессиональной деятельности наступило затишье – не было бы ошибкой назвать этот период мертвым штилем, – и это обстоятельство вызывало у меня дискомфорт. Попробуйте того, кто привык бегать, заставить ходить степенным шагом – гепарда, например, – если не сдохнет от тоски, то уж заболит непременно.

Профессия моя – телохранитель. Специалистов моего уровня можно по пальцам пересчитать. В свое время я закончила закрытую спецшколу и даже успела послужить в элитном подразделении, которому поручались весьма деликатные задания. К тому же я молода и недурна собой. Это к тому, что в нашем городе я довольно популярна в определенных кругах – а именно в тех, где людям есть что терять – деньги, недвижимость, власть, влияние, жизнь, наконец. Такие люди готовы щедро платить, и это позволяет мне жить не бедствуя. Но в последнее время денежный ручеек, плавно перетекающий из бумажников клиентов в мой карман, как-то поиссяк. Что случилось, я понятия не имела – то ли все существующие блага перераспределили в городе окончательно, то ли всех лишних на этом празднике жизни уже устранили, то ли, по случаю летнего сезона, деловые люди разом ушли в отпуск, – только наступила такая тишь и благодать, что хоть волком вой. Вот поэтому и сегодня я с утра полулежала в кресле, забросив ноги на журнальный столик, и предавалась своей ипохондрии, бесцельно разглядывая причудливую игру светотени, которую создавало на подоконнике солнце, пробившееся сквозь листву разросшегося за окном тополя.

Тетя Мила лишь чуть-чуть вывела меня из прострации. Все-таки я сочла своим долгом как-то утешить ее и вяло посоветовала:

– На твоём месте я бы не стала так доверять газетам. Порой они печатают совершенно невообразимые вещи. Например, недавно я своими глазами прочитала сообщение, что в Подмоскowie подрались два привидения...

– Что ты говоришь?! – ахнула тетя Мила, округляя глаза. – Ты действительно такое читала? – и она сокрушенно покачала головой. – Что у нас за страна! Здесь даже привидения не могут вести себя прилично.

– Они не виноваты, тетя, – убежденно сказала я. – Это газеты сделали их такими. Тетушка наморщила лоб.

– Так ты полагаешь, что этим сведениям не стоит придавать значения? – с надеждой спросила она. – Я имею в виду насчет писателей?

– Конечно, не стоит, – кивнула я. – Вот увидишь, завтра они напишут, что в Подмоскowie подрались между собой привидения Чейза и Грина, с них станется.

– Нет, это невозможно! – решительно возразила тетя Мила. – Оба эти господина были настоящими джентльменами и никогда бы не опустились до вульгарного мордобоя... Хотя... кто знает, как повели бы они себя, оказавшись в Подмоскowie? – серьезно закончила она.

Впрочем, кажется, мои слова успокоили тетушку, и она уже собиралась выйти из комнаты, чтобы продолжить свои мысленные странствия по каменным джунглям вымышленной Америки, но тут в голову ей пришла новая идея.

– Постой, а ты не захворала ли, моя дорогая? – озабоченно произнесла она, оборачиваясь. – Я смотрю, ты уже который день валяешься в шортах и майке и даже из комнаты почти не выходишь.

– Шорты – это еще не симптом болезни, тетя, – заметила я.

– Ну, для кого не симптом, а для тебя как раз симптом! – заявила тетя Мила. – В такую чудесную пору ты должна находиться... Ну, я не знаю! На пляже, например!

– Ага, на пляже, – произнесла я с глубоким сомнением. – Разве ты не знаешь, что на пляже ходят, мягко говоря, раздетыми?

– Но это же естественно, – изумилась тетя. – Люди купаются, загорают, подставляют свои тела ласковому ветру. Чудесный отдых! Даже в мое время...

– Мне будет некогда отдыхать, тетя, – мягко возразила я. – Все мои силы уйдут на то, чтобы объяснять бесчисленным молодым людям, что их превосходно развитая мускулатура меня несколько не интересует...

– Между прочим, общение с молодыми людьми тебе не повредило бы, – укоризненно сказала тетя Мила. – В конце концов, каждая женщина мечтает завести семью, разве я не права?

– Наверное, права, – вздохнула я. – Но, кажется, я еще не созрела для подобного решения... И потом, не на пляже ведь заводить семью...

– Ты переворачиваешь все мои слова, – обиделась тетушка. – Я не предлагаю тебе заводить на пляже семью – что за фантазии! Я предлагаю тебе попробовать себя в общении. По моему, ты совершенно утратила эту способность. Мужчины для тебя – просто объект агрессии, ты не находишь?

– Иногда, тетя, – поправила я ее. – Но, признайся, в этом мире слишком мало мужчин, которые могут служить объектом для приложения иных чувств!

– Да ты просто феминистка! – возмутилась тетушка. – Если бы все женщины рассуждали, как ты, мир бы давно погиб.

– Иногда мне кажется, что это самый подходящий для него выход, – пессимистически заметила я.

Тетушка внимательно в меня всмотрелась и безапелляционно заявила:

– Ну вот что! Эти мизантропические рассуждения мне надоели! Сейчас мы с тобой выпьем кофе с хорошим коньяком, а потом сядем в твою машину и отправимся куда глаза глядят! Мы устроим пикник под открытым небом! Это противоречит моим жизненным установкам, но на что не пойдешь, чтобы привести в чувство родную племянницу! А на обратном пути мы постараемся попасть в небольшую автокатастрофу, чтобы у тебя были неприятности с ГИБДД, чтобы твой автомобиль нуждался в ремонте, и ты опять почувствуешь вкус к жизни.

Загоревшись этой идеей, тетя Мила поспешно удалилась на кухню – наверное, готовить продукты для пикника. Не знаю, что нас ожидало бы впереди, если бы ей удалось привести

свой дьявольский план в исполнение, но именно в этот момент в нашу жизнь вмешалось то, что в прошлые века называли провидением. Зазвонил телефон.

Трубку взяла, разумеется, тетя Мила и через некоторое время снова появилась на пороге с загадочным и одновременно чрезвычайно довольным выражением на лице.

– Это тебя, – сказала она. – Мужчина.

У нее были причины выглядеть довольной – провидение разом решило все наши проблемы, предоставив мне мужчину для общения, а тетю избавив от необходимости выбираться на природу.

– И чего он хочет? – все еще без энтузиазма спросила я.

– Господи, ну чего может хотеть мужчина?! – негодуя воскликнула тетя Мила.

Не знаю, это ли она подразумевала, но звонивший хотел со мной встретиться. Причем его деловой и на редкость неприятный голос не оставлял никаких надежд на романтический характер встречи.

– Охотникова Евгения Максимовна? – осведомился он.

– Она самая, – сдержанно ответила я. – С кем имею честь?

– Парамонов, – отрекомендовался мужчина. – Константин Ильич. Юрист. Мне сказали, что в Тарасове вы единственная женщина – телохранитель?

– Вас не обманули, – призналась я.

– Хочу предложить вам работу, – сухо сообщил Парамонов. – Вы можете подъехать сейчас в гостиницу «Спортивная»?

– В принципе могу, – после секундного раздумья согласилась я.

– Ну вот и подъезжайте, – распорядился деловой Парамонов. – Найдете меня в двести двенадцатом номере. Только не очень задерживайтесь, – предупредил он, прежде чем положить трубку.

Если бы не мертвый сезон, я и разговаривать бы не стала с этим нахалом. Такие господа начинают очень решительно, выдвигают немислимые требования и в результате предлагают пятисотрублевый гонорар, на полном серьезе не понимая, чем вы недовольны.

Но теперь я решила не отказываться от приглашения. В любом случае мне действительно требовалось проветриться. Я быстро переоделась – короткая клетчатая юбка клеш, розовая блузка, туфли на низком каблуке – этот приезжий юрист рассчитывает увидеть провинциальную барышню, так пусть ее он и увидит. Я не стала делать никакой прически, а просто перехватила волосы на затылке заколкой. И никакой косметики.

Перед уходом я заглянула к тетушке.

– Твоя взяла! – сообщила я. – Пляж не пляж, но кое-что мне все-таки предложили. Как говорится, письмо позвало в дорогу... Поэтому ты можешь расслабиться и отложить заботы о пикнике до лучших или, если хочешь, до худших времен...

– Оставь координаты, – предложила тетя. – Всегда нужно предполагать, что ты можешь оказаться в лапах злодеев.

– «Спортивная», – сообщила я. – Номер двести двенадцать. Поеду туда на машине. Если звонивший мне Парамонов окажется мелочным человеком – а предпосылки к тому имеются, – вернусь через полчаса.

Тетя Мила восприняла мое сообщение с видимым облегчением. Оставив ее наедине с томиком Чейза, я отправилась в гостиницу «Спортивная» на своем верном «Фольксвагене».

Вокруг разгорался чудесный летний день – горячее солнце заполнило все небо без остатка, стекало по крышам и плавало сверкающий асфальт. Кроны деревьев были окружены золотистым ореолом.

Гостиница, которую выбрал себе заезжий юрист, находилась, грубо говоря, на отшибе, и если бы мне пришлось в голову воспользоваться общественным транспортом, поездка туда

заняла бы не менее получаса – в лучшем случае. На своих колесах я добралась туда за двенадцать минут.

Поскольку в тетушкиных словах о злодеях имелось некоторое рациональное зерно, я предпочла вначале выяснить у портье, на месте ли обитатель двести двенадцатого номера, и с невинным видом попросила его обратить внимание на то, что собираюсь посетить этот номер. После этого я могла быть уверена, что мое появление не осталось незамеченным.

Поднявшись на второй этаж, я постучалась в номер. Дверь мне открыли не сразу и, я бы сказала, с какой-то досадой. На пороге стоял высокий упитанный мужчина лет пятидесяти пяти. У него была тяжелая нижняя челюсть и мясистые щеки. На лице его застыло хмурое озабоченное выражение, словно у человека, который весь день ходил в тесных ботинках.

Он не сразу сообразил, кто перед ним. Это было ясно по тому нетерпеливому взгляду, которым он окинул мою скромную фигуру.

– В-вы... – начал он недовольным тоном.

– Охотникова, – поспешно сказала я.

Взгляд Парамонова сделался недоверчивым и даже как будто повеселел. Действительно, в следующую секунду озабоченные складки на лбу Константина Ильича разгладились, и он довольно радушно протянул мне широкую ладонь.

– Оч-чень приятно, – сказал он. – Вы быстро приехали.

Кажется, мне удалось произвести на него благоприятное впечатление, хотя я к этому и не стремилась. Сам хозяин номера мне не очень понравился – он постоянно был сосредоточен на своей персоне – такого трудно назвать обаятельным мужчиной. Впрочем, для дела это было неплохо.

Но Парамонов не сразу перешел к делу. Усадив меня в кресло, он нервно прошелся по комнате и вывалил на меня кучу жалоб. Наверное, ему не с кем было поделиться, и он нуждался в разрядке.

– Черт побери, как вы здесь живете? – в сердцах сказал он. – Ужасный город, отвратительная гостиница! Я здесь всего сутки, но уже сыт по горло! На вокзале сел в такси, попросил отвезти в гостиницу... Этот негодяй завез меня в такую дыру! Полюбуйтесь, за окном постоянный шум транспорта, по коридорам бродят какие-то пьяные футболисты!

– Вы хотите, чтобы я вас от них охраняла? – вежливо поинтересовалась я.

Парамонов вытаращил на меня глаза. Потом нелепость ситуации дошла до него, и он принужденно захохотал:

– Ну что вы, конечно, нет! Просто накипело, знаете ли...

– Издалека приехали? – спросила я, чтобы подвести его к сути дела.

– Издалека? – запнулся он. – Нет, не очень. Из Москвы. А вы... давно работаете, гм, в этом качестве? Или это у вас первое дело?

Я пристально посмотрела на него. Кажется, нужно было явиться затянутой в сверкающую кожу, с пистолетом на боку.

– Нет, это дело у меня не первое, – сдержанно ответила я. – У вас возникли какие-то сомнения?

Парамонов еще раз оценивающе окинул меня взглядом – и опять лицо его как будто просветлело.

– Нет, ну что вы, – проговорил он вежливо. – По-моему, все прекрасно. Нужно обеспечить безопасность одной особы. Она приезжает сегодня вечером московским поездом и пробудет здесь... Да кто знает, сколько она пробудет?! Но, полагаю, неделю – это уж точно!

– Что за особа? – поинтересовалась я. – Ей угрожает какая-то опасность?

– Нет, вовсе нет, – заверил Парамонов. – Во всяком случае, ничего такого определенного. Просто она иностранка. Сами понимаете, иностранец чувствует себя здесь неудобно. Страна экстремального туризма, так сказать. Что-то вроде сафари в Кении, верно?

– Она туристка? – уточнила я.

– Пожалуй, нет, – покачал головой Парамонов. – Сейчас я все объясню. Моя клиентка – а я являюсь ее доверенным лицом – гражданка США. Зовут ее Линда Эвелин Фридлиндер. Ее дедушка с бабушкой эмигрировали из России вскоре после революции. Мать ее тоже по происхождению русская. В семье заботливо сохраняли русские традиции. Отсюда возникло заблуждение Линды, что она прекрасно знает Россию, понимаете? Это само по себе источник повышенной опасности. Прибавьте сюда эту чертову политкорректность, заботу об окружающей среде и желание везде поднимать звездно-полосатый флаг...

– Ужас! – сказала я. – А зачем она едет в город Тарасов? Охранять окружающую среду?

– Может быть, – пожал плечами Парамонов. – Но это не главное. Дело в том, что дедушка с бабушкой родом из этого города. Девичья фамилия матери – Фуфлыгина. Вам она неизвестна?

– Я вообще-то не местная, – призналась я. – Но до сих пор подобная фамилия мне не встречалась. Так, значит, в вашей Линде заговорила ностальгия?

– Сомневаюсь, – сумрачно сказал Парамонов. – Какая ностальгия? Она активна, как паровоз. Я бы назвал это скорее здоровым любопытством. И, кроме того, у нее здесь дело.

– Дело? – удивилась я.

– Да. Линда Фридлиндер – богатый человек, – объяснил Парамонов. – У нее в Миннеаполисе фабрика по производству музыкальных унитазов.

– Простите? – не поняла я.

Парамонов усмехнулся и презрительно махнул рукой.

– Нам этого не понять, – сказал он. – Американцы очень большое значение придают работе кишечника. Считается, что унитазы Фридлиндер очень помогают этой работе. Представляете, вы садитесь на унитаз, и в зависимости от состояния вашего желудка механизм сам подбирает соответствующую музыку – что-нибудь бодрое или, наоборот, меланхоличное... А когда спускаете воду, звучит бравурный, жизнеутверждающий марш!

– Потрясающе! – сказала я. – У вас есть такой унитаз?

– Упаси бог! – ответил Парамонов. – Однако продолжаю. Фридлиндер, как и положено состоятельным людям, много занимается благотворительностью. Добралась она и до города Тарасова. Какой-то чудак организовал здесь фонд помощи больным СПИДом и сумел связаться с моей клиенткой. Хотя, впрочем, тогда она еще не была моей клиенткой, и подробностей я не знаю. Мне известно только, что в адрес этого фонда в течение пяти лет поступала гуманитарная помощь из США – ну, знаете, продукты, медикаменты, одежда, шампунь для собак и все что угодно. Думаю, поющие унитазы тоже. Теперь госпожа Фридлиндер считает, что пришла пора проверить деятельность этого фонда.

– Вы тоже этим будете заниматься? – спросила я.

– К счастью, это не входит в мои обязанности, – ответил Парамонов. – Моя задача – обеспечить клиентке охрану и гида в одном лице. То, что вы женщина – просто великолепно! Знаете, у меня такое впечатление, что американки боятся мужчин больше, чем мышей.

– Ну хорошо, – сказала я. – Каковы будут мои обязанности, и сколько вы собираетесь мне платить?

Парамонов немного замялся.

– Боюсь, вам придется находиться при госпоже Фридлиндер неотлучно. За исключением ночного времени, разумеется.

– Учтите, – предупредила я. – Мои расценки – двадцать долларов в час, и я готова быть неотлучной хоть двадцать четыре часа в сутки.

Если честно, то я немного завысила свои требования. Обычно я беру за свои услуги двадцать долларов в день, но поскольку мой будущий клиент – американка, то расценки должны быть соответствующими. У них там принято оплачивать работу по часам.

– Боюсь, я не уполномочен решать такой вопрос. Мне поручено передать вам двести пятьдесят долларов аванса. Об остальном вам придется договариваться с госпожой Фридендер лично.

– Очень мило! – возмутилась я. – Неужели вы думаете, что я возьмусь за работу за такие деньги?

Парамонов развел руками.

– У меня инструкции, – сожалеюще сказал он и, понизив голос, добавил: – Но скажу вам по секрету, если вы будете вести себя настойчиво, вы получите свою цену. Моя клиентка обожает самостоятельных женщин. Кстати, она хорошо говорит по-русски.

– Я тоже неплохо говорю по-английски! – отрезала я. – Но предупреждаю, если мне не удастся договориться о расценках, я тут же бросаю это дело!

– Как скажете, как скажете, – пробормотал Парамонов. – Однако предварительное соглашение мы можем считать заключенным, не так ли, Евгения Максимовна? – и он взглянул на меня цепким юридическим глазом.

– Только предварительное, – предупредила я.

– Вот и отлично! Тогда позвольте передать вам вышеупомянутую сумму... Расписок никаких не надо. Единственно, я бы просил вас расписаться вот в этих бумагах.

Он протянул мне четыре листочка, сшитые скрепкой. Это оказалось что-то вроде трудового договора, составленного на двух языках – русском и английском. Из текста, куда уже было вписано мое имя, явствовало, что нижеподписавшийся «обязуется» и так далее. Наскоро пробежав глазами эту галиматью, я вернула листки Парамонову.

– Этот номер не пройдет! – резко заявила я. – Подписывать я ничего не буду!

Парамонов озадаченно посмотрел на меня и провел пятерней по своим жестким, стриженным под ежик, волосам.

– Вы напрасно пугаетесь! – горячо сказал он. – Это бумага ни к чему вас не обязывает. Прочтите внимательно – здесь просто фиксируется факт нашей с вами договоренности. Чтобы госпожа Фридендер убедилась, что я не терял времени даром.

– Мы сообщим ей это на словах, – заверила я. – И кстати, если не сойдемся в цене моих услуг, то все – таки выйдем, что время вы потратили зря.

Парамонов с недоумением посмотрел на меня, на текст договора и страшно расстроился.

– Тогда я буду вынужден просить вернуть мне задаток, – с неудовольствием сказал он.

– Ради бога! – ответила я, возвращая ему деньги.

– Не думал, что с вами будет так трудно, – с упреком сказал Парамонов.

– Я тоже не ожидала встретить столь наивного юриста, – парировала я.

Константин Ильич аккуратно уложил доллары в бумажник и обеспокоенно посмотрел на меня.

– Так что же мы с вами теперь решим? – спросил он.

Я пожала плечами:

– Ну что ж! Пожалуй, я встречу с вашей клиенткой и попытаюсь выяснить, нужна ли ей моя помощь. Большого я пока не обещаю.

Парамонов хмуро кивнул:

– Спасибо и на этом. Где же мы с вами встретимся?

– Я заеду за вами вечером и отвезу на вокзал.

– Вы на машине? – обрадовался Парамонов. – Это замечательно! Я с ужасом думал, как я буду передвигаться по вашему страшному городу – это просто какой-то чудовищный лабиринт!

– Может быть, вам нужен телохранитель? – любезно спросила я. – Вы чувствуете себя так неуверенно.

– Слава богу, я завтра уже уезжаю, – сообщил Парамонов.

– Будем надеяться, что до завтра с вами ничего не случится, – с иронией произнесла я.

– Вы улыбаетесь, – горько заключил Парамонов. – Вы просто не пробовали здешней кухни, потому так и говорите.

– Что вам мешает найти ресторан получше? – заметила я.

– Ни за что! – заявил Парамонов. – Даже шагу не сделаю за пределы этого здания. По крайней мере, я буду знать, что меня ожидает.

– Ну, тогда до вечера, – сказала я и вышла из номера.

В мире полно чудаков и юристов, но такой экземпляр мне еще не попадался. Каким образом ему удастся выжить в многомиллионной Москве, казалось мне неразрешимой загадкой. В то же время меня не покидало ощущение, что господин Парамонов чего-то не договаривает, и на уме у него не детский страх перед незнакомым городом, а что-то совсем другое.

«Ладно, посмотрим, что у него за клиентка, – решила я. – Может быть, все обстоит не так уж и плачевно».

Глава 2

На вечернюю встречу я отправилась в совсем ином наряде – строгое, но изысканное черное платье, тонкая жемчужная нитка на шее и туфли на невысоком каблучке – я все ж таки на работе. На шпильках, знаете ли, далеко не убежишь. Я даже не поленилась сходить в парикмахерскую. Ну и макияж, соответственно. Если людям нравится, когда им пускают пыль в глаза, зачем отказывать им в этом удовольствии? В конце концов, я и сама почувствовала себя значительно лучше. Только из-за одного этого стоило тратить время.

– Что ты знаешь об американцах? – спросила я тетю Милу. – Только не говори, что они любят доллары и носят «кольты» тридцать восьмого калибра – меня интересует другое.

– Кока-кола, статуя Свободы и телевизор, – быстро сказала тетушка, добавив со вздохом: – И все-таки доллары.

– Да, немного, – укоризненно заметила я.

– А что ты хочешь, – возразила тетя Мила. – Даже Колумб ничего не знал про Америку. Хотя он ее и открыл.

– Мне предлагают охранять приезжую американку, – сообщила я. – Пять лет она снабжала какой-то местный фонд гуманитарной помощью. Теперь решила устроить что-то вроде ревизии. Как ты думаешь – с высоты твоего юридического опыта, – это может быть опасным?

– В наше время фондов было раз-два и обчелся, – резонно заметила тетушка. – И они были инструментами высокой политики. Юристы моего уровня даже носа туда сунуть не могли. Что же касается нынешних фондов, то, если верить прессе, каждый третий фонд ворует. Делаются ли они опасными, попадая в ситуацию ревизии, в газетах не сообщается. Но, я думаю, все зависит от обстоятельств.

– Хорошо, а что ты думаешь о юристе, который до дрожи боится прогулки по нашему городу? Он называет его лабиринтом или что-то в этом роде.

– Упаси тебя бог доверять юристу! – рассердилась тетя. – Это он тебя нанял?

– Он еще не нанял, – сказала я. – Мы находимся в стадии переговоров.

– Держи ушки на макушке! – посоветовала тетушка. – И не верь ни единому слову.

– Я так и сделаю, – пообещала я. – Но если им удастся прельстить меня гонораром, в ближайшие дни на меня не рассчитывай.

Тетушка пристально и с удовольствием разглядывала меня и наконец заключила:

– Ты выглядишь очаровательно! Тот юрист – он молод? Хорош собой?

– Он обрюзгший и давным-давно не молод, – ответила я.

– Какой ужас! – открыла рот тетя. – Зачем же ты так нарядилась? Он может подумать, что ты сделала это ради него. Зачем подавать несбыточные надежды?

– Это не для него, – возразила я. – Это для американки. Пусть видит, что мне требуется много денег на одежду. Когда я появилась скромно одетая, мне и гонорар предложили скромный, понимаешь?

Тетя Мила с сомнением покачала головой и произнесла:

– Кто их разберет, этих американцев!

Кажется, она не верила в мою удачу.

Мне и самой не очень верилось, но я уже завелась. Если госпожа Фридендер нуждается в услугах телохранителя, она их получит – и именно по тем расценкам, которые устраивают меня. В противном случае никакой охраны ей вовсе не нужно, и это просто блажь богатой бабы. А убажывать баб я не согласна ни за какие деньги – это не моя профессия.

Для Парамонова мой новый имидж оказался сюрпризом. Во-первых, он меня не сразу узнал, а когда узнал, то сделал такую кислую физиономию, что мне самой стало противно. Кажется, моя метаморфоза не пришлась ему по вкусу – наверное, он предпочитал простушек.

Во всяком случае, он мог бы выдать из себя какой-нибудь дежурный комплимент, хотя бы ради приличия. Но он предпочел отделаться скептической миной, и мне ничего не оставалось, как спросить:

– Вы готовы? – я постаралась произнести это как можно суше.

– Разумеется, – подтвердил Парамонов. – А ваша машина внизу?

– Разумеется, не наверху, – в тон ему ответила я.

Он посмотрел на меня с явным беспокойством, но промолчал. Мы спустились на улицу и погрузились в «Фольксваген».

– Кажется, вы неплохо зарабатываете? – с плохо замаскированным осуждением пробормотал Парамонов, устраиваясь на переднем сиденье.

– Не жалуюсь, – ответила я. – А что, на юристов нынче нет спроса?

– Жизнь дорожает, – неопределенно сказал Парамонов.

Пока мы ехали, он немного отошел и даже стал посматривать по сторонам с некоторым интересом. Не скажу, что вечерний Тарасов огнем реклам может соперничать с Нью-Йорком или Лас-Вегасом, но, по-моему, он выглядит не так уж плохо, во всяком случае, вполне романтично.

– Какую гостиницу вы рекомендуете выбрать для госпожи Фридлиндер? – неожиданно спросил Парамонов. – Что-нибудь попримечнее, без этих алкоголиков, которые вечно не могут отыскать собственную дверь.

– Вообще-то я в гостиницах не живу, – заметила я. – Но самые приличные из них закрыты для широкого доступа. Впрочем, на набережной есть гостиница «Славянская» – кажется, там останавливаются иностранцы. Во всяком случае, вид на великую русскую реку им там обеспечен. А что касается алкоголиков, то ваша клиентка, как знаток России, должна знать, что алкоголики – это неотъемлемая деталь русского пейзажа...

– Хочу сразу вас предупредить, – мрачно заметил Парамонов. – Не пытайтесь подобным образом шутить с американцами – они даже не сумеют сообразить, что вы шутите. Может получиться неприятность. Я, кстати, уже говорил, что моя клиентка воображает себя русской. Какая она, к черту, русская!

– Но мы пока ни о чем еще не договорились, – возразила я. – За так я пахать не намерена...

– Может быть, еще все утрясется, – без особой уверенности сказал Парамонов. – Впрочем, вы в любом случае сможете подбросить нас до гостиницы.

Мне очень хотелось съязвить по поводу этого смелого предположения, но, подумав, я решила воздержаться. До сих пор у меня не было такого дурацкого дела, и я была даже заинтригована, что из всего этого выйдет.

Когда впереди мелькнуло ярко освещенное здание вокзала, мой спутник наклонился ко мне и с надеждой спросил:

– Мы не могли бы подъехать на перрон – прямо к поезду?

Я посмотрела на него как на сумасшедшего и ответила:

– Если бы министр путей сообщения был моим близким родственником, я бы, возможно, так и сделала. Но мои родственники скромные люди, и я привыкла ставить машину в дозволенном месте. А что, ваша королева унитазов совсем не привыкла перебирать ногами? Стоянка всего в пятидесяти метрах от вокзала.

Парамонов смущенно кашлянул.

– Да нет, ради бога... – пробормотал он. – Просто я подумал, что так было бы удобнее.

У меня закрались подозрения, что с моей помощью он просто пытается сэкономить денежки, отпущенные ему на торжественную встречу госпожи Фридлиндер. Впрочем, позже я убедилась, что ошиблась.

Поставив машину на стоянке, мы поднялись по широким ступеням на перрон и осмотрелись. Яркие огни прожекторов освещали железнодорожные пути, забытые пассажирскими поездами, товарняком и электричками. Масса людей слонялась по перрону. Смуглые южные люди сидели на бесчисленных мешках и сумках, перекрикиваясь гортанными голосами. Милиционеры с палкой на боку и рацией в руках прохаживались взад-вперед, зорко поглядывая в толпу.

Мы успели как раз вовремя. Только что объявили прибытие московского поезда.

– У нее первый вагон, – взволнованно сказал Парамонов. – Постарайтесь произвести на нее впечатление!

Я иронически покосилась на него.

Толпа подтянулась к краю платформы. Из темноты возник огненный глаз подходящего локомотива. Парамонов возбужденно подхватил меня за руку и увлек за собой, стараясь подбросить к первому вагону. Я попыталась объяснить ему, что поезд никуда не денется, но мои слова не произвели на него никакого впечатления.

Наконец послышалось лязганье отпираемых дверей, и из вагонов стали появляться пассажиры. Парамонов нервничал, вытягивая голову и даже приплясывая от нетерпения, а наша гостья все не появлялась. Уже практически опустел весь первый вагон, а ее все не было. Мы стояли возле самых ступенек, за спиной равнодушной проводницы, и терпеливо ждали – во всяком случае, я была терпелива.

– Может быть, она раздумала приехать? – предположила я наконец, когда поток пассажиров окончательно иссяк.

Парамонов меня не услышал – лицо его внезапно преобразилось необыкновенным энтузиазмом, и он вскричал:

– Ну, слава богу! Мисс Фридендер! Хэлло! С прибытием вас!

По ступенькам сходила низенькая полноватая женщина в широченных черных брюках и бесформенной бежевой майке, колоколом прикрывающей ее объемистую грудь и бока. У госпожи Фридендер было жизнерадостное круглое лицо, нос картошкой и короткие прямые волосы, стриженные чуть ли не под горшок. Ни дать ни взять – малообеспеченная домохозяйка, собравшаяся на рынок. Впечатление усиливала большая сумка в ее руках. Однако, несомненно, эта тара играла здесь роль дамской сумочки. Гостья спрыгнула на перрон, с любопытством огляделась и произнесла с большим пафосом:

– Наконец родная земля! Хэлло, Ильич! Как поживаешь? Боже, что это за запах?

Последнее замечание относилось, кажется, ко мне. С интересом изучая свою потенциальную клиентку, я миролюбиво сообщила, что это пахнет скорее всего моими духами.

Американка по-своему протянула мне руку. – Линда Э. Фридендер! – представилась она.

– Евгения М. Охотникова! – ответила я, не моргнув глазом.

Рукопожатие королевы унитазов было крепким и доброжелательным. Может быть, стоило сразу же объясниться с ней насчет моего статуса, но в этот момент из вагона появились новые действующие лица.

Вначале на перрон ступил чернокожий мужчина. Он был аккуратно пострижен и одет в необыкновенно элегантный костюм, который сидел на его атлетической фигуре как влитой. Белоснежная рубашка и тщательно повязанный галстук завершали картину – он был похож на неприступного холеного прокурора из кинобоевика. У него было довольно приятное невозмутимое лицо, сверкающие зубы и золотая печатка на пальце. В руках он держал небольшой кожаный чемодан.

– Позвольте представить! – бодро сказала мисс Фридендер. – Джимми! Мой... э-э... бухгалтер!

Афроамериканец холодно улыбнулся и слегка наклонил голову. «Ну да, – подумала я, – ревизия же – как тут обойтись без бухгалтера. Интересно, умеет ли он говорить по-русски?»

В этот момент сверху чуть ли не обрушился еще один мужчина – он был маленький, лысый и необычайно сердитый. В правой руке он держал огромный роскошный чемодан с серебряными застежками, в левой – чемодан поменьше, а через оба плеча его были перекинуты объемистые сумки.

Приземлившись на перрон, он избавился от чемоданов и принялся стаскивать с себя сумки, вполголоса бормоча что-то под нос. Госпожа Фридендер, жизнерадостно кивая, запустила руку в свою сумку и извлекла оттуда пухлую пачку долларов, по – простецки перехваченную розовой резинкой. С хрустом отделив одну зеленоватую купюру, она протянула ее лысому мужчине, одарив его в придачу лучезарной улыбкой.

Из этого жеста стало ясно, что коротышка в свиту нашей гостьи не входит, а исполняет здесь роль добровольного носильщика. Кажется, он даже и не претендовал на вознаграждение, потому что взглянул на однодолларовую бумажку с некоторым испугом. Однако он, поколебавшись, взял доллар.

Госпожа Фридендер немедленно обернулась к своему великолепному бухгалтеру и объяснила по-английски:

– В России очень ценится американский доллар!

Тот отреагировал все той же индифферентной улыбкой, которая применялась им, видимо, на все случаи жизни. Но нашей гостье захотелось тут же подтвердить свою блестящую мысль, и она, оглянувшись, с большим энтузиазмом вскричала:

– Хай, бой! Парень! Хочешь заработать доллар?

Я поинтересовалась, куда она смотрит, и увидела полусонного тинейджера в раздолбанных ботинках и с серьгой в ухе. Услышав, что его зовут, он слегка проснулся и осторожно приблизился. Линда Э. Фридендер протянула ему доллар и, чарующе улыбнувшись, сказала:

– Он твой! Найди нам сюда такси – будь любезен!

Тинейджер тупо посмотрел на купюру в своих руках, ничего не сказал и нырнул в подземный переход.

– Сейчас у нас будет машина! – торжественно объявила американка.

Лысый мужчина неопределенно покачал головой, подхватил потертый чемодан и поспешил прочь. Лицо мисс Фридендер сияло.

Я прикинула мысленно, что в заветной пачке должно быть не менее двухсот долларовых бумажек. По-видимому, американская фабрикантша полагала, что такая сумма откроет перед ней зеленую улицу. Во всяком случае, на двести самых разнообразных услуг она рассчитывала определенно.

Такой решительный и нехитрый подход к делу убедил меня, что работы мне не видать как своих ушей, если только я не хочу, чтобы мне ежедневно отстегивали по доллару. Впрочем, одну услугу я была намерена оказать – из уважения к Парамонову. В свете последних событий он со своим авансом показался мне вдруг необычайно щедрым и великодушным человеком.

– Ну что, пойдём, пожалуй, – сказала я, обращаясь в основном к Парамонову.

– Да, нужно идти, – кивнул он.

– Пойдите! – с некоторой тревогой проговорила мисс Фридендер. – Разве нам нужно идти? А бой? Он же доставит машину сюда?

– Про боя можно забыть! – безжалостно сказала я. – А у меня машина. Я отвезу вас в гостиницу.

– О, это замечательно, Евгения М. Охотникова! – старательно улыбаясь, воскликнула американка, вертя, однако, по сторонам головой в бесплодных поисках коварного боя. – Это очень любезно с вашей стороны!

– Кстати, доллар можете мне не давать, – предупредила я. – Я претендую на большую сумму.

Мисс Фридендер недоуменно уставилась на меня, а потом обеспокоенно спросила:

– Что вы имеете в виду?

– Вам требуется телохранитель?

Мисс Фридендер застыла на секунду, а потом улыбнулась и заявила:

– Только на обратном пути!

Откровенно говоря, этим ответом она поставила меня в тупик. Пока я раздумывала над ее словами, Парамонов предупредительно наклонился к своей клиентке и сказал:

– Мисс Фридендер, Евгения Максимовна будет вам здесь чрезвычайно полезна. Профессиональный телохранитель, прекрасно знает город, говорит по-английски...

Американка задумалась. Это продолжалось довольно долго, но наконец она выпалила:

– Это неплохо! Мой Джимми не сможет общаться без переводчика. Сколько она хочет за свои услуги, Ильич?

Парамонов замялся, и я поспешила прийти ему на помощь:

– Я беру двадцать долларов в час, мисс Фридендер!

Она взглянула на меня так, словно я призналась, что беру доллары без спроса, и тут же заявила:

– Все! Мне совсем не требуется телохранитель!

Парамонов страдальчески поднял глаза к черному небу, но спорить не стал. Видимо, решения мисс Фридендер не обсуждались. Между тем отказываться от моих услуг в качестве таксиста она вовсе не собиралась и, поинтересовавшись, где стоит машина, с похвальной демократичностью взяла на себя часть багажа, предпочтя, правда, наиболее легкую его часть. С тремя сумками ее маленькая бесформенная фигурка выглядела еще забавнее. Я гадала, для чего предназначены ее вместительные баулы – видимо, госпожа Фридендер намеревалась вывезти с исторической родины множество сувениров.

Парамонов, крикнув, принял на себя чемодан с серебряными застежками, а холеный негр остался при своем. Я поняла, что наблюдаю проявления той самой политкорректности, которая требует от женщины, чтобы она сама таскала свои сумки. Мне тут же пришло в голову, что на самом деле по этому показателю мы давно опередили Америку, потому что наши женщины таскают даже шпалы. Просто мы не догадались разрекламировать этот факт.

В общем, мы отправились на автостоянку, но тут мисс Фридендер принялась озабоченно вертеть своей короткой шеей и объявила, что хочет немедленно выпить бутылочку пепси, иначе она тут же умрет.

Таким образом, суть американской души моя тетушка познала гораздо глубже, чем это могло показаться на первый взгляд. Доллары и кола уже себя проявили, не хватало только статуи Свободы, но ее так просто с собой не увезешь.

Мы стояли как раз у входа в здание вокзала, и Парамонов сдержанно сообщил своей клиентке, что пепси наверняка есть внутри. Было заметно, что ему совсем не улыбается таскаться с тяжеленным чемоданом по переполненному вокзалу.

Однако мисс Фридендер тоже не желала умирать от жажды раньше времени и храбро шагнула в открытую дверь. Мы последовали за ней, причем я замыкала колонну, потому что постепенно теряла интерес к происходящему.

Попав внутрь, американка остановилась, восхищенно оглядываясь по сторонам. Наверное, ее потрясло обилие и разнообразие лиц, с которыми она чувствовала кровное родство.

Окружающие тоже с любопытством оборачивались в нашу сторону – особенно в сторону Джимми, который, без всякого сомнения, был в этот момент самым элегантным посетителем вокзала. Даже бесстрастные узбеки в тюбетейках и засаленных халатах любовались им.

Парамонов, который испытывал совершенно противоположные чувства, раздраженно заметил, что слева находится дверь в вокзальное кафе и там наверняка есть пепси.

– Здесь не стоит задерживаться, – объяснил он доверчиво хлопающей глазами американке. – Того и гляди, что-нибудь сопрут!

Искушенный юрист как в воду смотрел. Когда мы вошли в душное, пропитанное запахом маргарина, кафе, мисс Фридлендер слегка растерялась. Как можно купить в этой неприветливой голодной толпе бутылочку пепси показалось ей головоломной задачей. Она разложила вокруг себя сумки и, кажется, принялась разыскивать деньги, одновременно жадно впитывая впечатления, обрушивающиеся на нее со всех сторон.

– Здесь не принимают доллары, – негромко сказал Парамонов. – Не трудитесь, мисс Фридлендер. Я возьму вам пепси, но советую поменять валюту, иначе у вас могут быть проблемы, – он оставил чемодан и стал проталкиваться к прилавку.

Американка была смущена его словами – у нее не было полной уверенности, что рубль в России ценится так же, как доллар. Блистательный Джимми продолжал сохранять полнейшую невозмутимость, глядя поверх голов так же непринужденно и отстраненно, как если бы он был в одиночестве. Мне надоело торчать в этой забегаловке, и я вышла в зал, намереваясь дождаться своих спутников там.

Как позже объяснил мне Парамонов, его клиентка, взбудораженная массой обрушившихся на нее отрицательных эмоций, едва дождалась вожаемой пепси и так жадно прикинула к бутылке, словно пыталась найти поддержку в привычном напитке. Она умудрилась выпить почти полтора литра и значительно приободрилась, но в этот момент обнаружилось, что ее дамская сумочка исчезла со всеми сопутствующими потрохами. Мисс Фридлендер испытала настоящий шок и, позабыв про свои русские корни, принялась объяснять Парамонову по-английски, что в сумочке у нее были все документы, деньги, кредитные карточки и прочая бижутерия, без которой настоящая американка просто не может существовать. Константин Ильич меланхолично кивал, потому что высказать все, что он думает о бестолковых иностранцах, ему не позволяла профессиональная этика.

Наконец, после долгих ахов и охов им пришла в голову мысль вызвать милицию. Ни о чем таком я даже не подозревала, рассеянно поглядывая по сторонам в ожидании, когда мисс Фридлендер утолит свою жажду. И тут я увидела сумочку, которая все-таки больше напоминала суму, с которой бродили некогда погорельцы и прочие странники. Ошибиться я не могла, память меня никогда не подводила, поэтому я удивилась, что эта экзотическая вещь находилась в руках совершенно постороннего парня в грязноватой джинсовой куртке. У него было замкнутое небритое лицо и красные, как у кролика, глаза. Выйдя из дверей кафе, он быстро направился вдоль балюстрады, намереваясь там, видимо, избавиться от сумки, расставив содержимое по карманам. Наверное, он считал, что дверь мужского туалета является для женщины непреодолимым препятствием.

Я настигла его уже в тот момент, когда он расплачивался за вход. Не обращая внимания на весело-изумленные взгляды окружающих меня мужчин, я сразу же шагнула к вору, который шарил по своим карманам, выуживая оттуда копейки для невозмутимой старушки, собиравшей дань с озабоченных представителей сильного пола.

За спиной старушки в кафельную стену было вделано большое зеркало, в котором вор и увидел мое симпатичное отражение. Он криво усмехнулся и обернулся, бормоча что-то вроде приспичило дамочке, сама на мужиков бросается. Он все еще надеялся легко от меня отделаться.

Он уже злобно ощерился и подыскивал в своем словаре подходящие слова, чтобы отшить меня похлеще и пострашнее. Ему и в голову не могло прийти, что я не собираюсь вступать с ним в препирательства.

Еще на ходу я швырнула ему в лицо ключи от машины, которые он инстинктивно поймал. В следующую секунду я врезала ему коленом в пах, а когда он скорчился от боли, ударила кулаком в кадык. Вор всхлипнул, как раковина, засасывающая воду, и с размаху сел на пол, выпучив бессмысленные глаза. Мгновенно подхватив с пола сумку и связку ключей, я выпрямилась и как ни в чем не бывало направилась к выходу. Вокруг тем временем разыгрывалась немая сцена, знакомая всем с детства по пьесе «Ревизор». Впрочем, не всем удалось сдерживать свои чувства, и в спину мне понеслись робкие, но восхищенные возгласы. В дверях я столкнулась с каким-то солидным мужчиной в хорошем костюме, волнистые волосы которого отливали благородной сединой. Увидев меня, решительно шагающую с битком набитой сумкой в руках, он страшно смутился и пробормотал:

– Простите, кажется, я не туда попал. – При этом он усиленно таращился на стилизованную фигурку мужчины, изображенную на дверях, видимо, отчаявшись определить ее половую принадлежность.

– Не волнуйтесь, – любезно ответила я. – Вы идете абсолютно верной дорогой, товарищ!

Оставив его в полнейшем замешательстве, я поторопилась вернуться в кафе. Мисс Фридендер как раз собиралась идти в милицию. Увидев меня с сумкой в руках, она устроила оптимистическую истерику. Вкратце объяснив, что произошло, я попросила хозяйку проверить содержимое сумки.

Американка рылась в своих сокровищах довольно долго, и, по мере поисков, лицо ее светлело все больше и больше. Наконец она показала мне большой палец и совершенно серьезно объявила Парамонову:

– Смотри, Ильич! Есть женщины в русских селеньях!

Вслед за этим она внезапно испуганно нахмурилась и сказала так:

– Евгения! Я решила окончательно – мне требуется телохранитель. Я нанимаю вас, но буду тщательно фиксировать время. Мой Джимми будет вести учет. – И, обернувшись к негру, она торжественно сообщила ему о своем решении по-английски.

Джимми выслушал ее, не моргнув глазом и не поменяв высокомерной позы. «Ох, и надуете вы меня!» – подумала я и на всякий случай спросила:

– С какой минуты я могу считать себя нанятой, мисс Фридендер?

Она не раздумывала.

– Теперь же! – заявила она. – Джимми, вотч зэ тайм!

Далее она с прежним энтузиазмом обвешалась сумками и предложила нам продолжить движение. Парамонов сделал кислое лицо и снова впрягся в чемодан с застежками. Мы вышли на привокзальную площадь.

Строго говоря, мне следовало заплатить незадачливому вору премию. С его помощью я получила работу, которая чуть не уплыла из-под моего носа. Правда, ничего хорошего от чернокожего бухгалтера ждать не приходилось, но я была намерена не давать ему спуска и не уступать ни минуты своего рабочего времени.

В машине мы расселись сообразно темпераменту и интересам – мужчины забрались на заднее сиденье, избегая смотреть не только по сторонам, но и друг на друга тоже. Мисс Фридендер, которой все было интересно, села рядом со мной и на протяжении всего пути то и дело патетически восклицала:

– Боже! Мне кажется, что я узнаю эти места!

Хотя при нашем уличном освещении мало что можно было узнать даже человеку, прожившему в городе всю жизнь. В зеркале я видела, как при каждом восклицании клиентки Парамонов презрительно и скептически кривит губы, и подумала, что более непохожих людей, чем эти двое, трудно найти. Они как лед и пламень.

В этот день не произошло больше ничего особенного. Даже в гостинице как-то обошлось без недоразумений, хотя, по-моему, с иностранных гостей по широте русской природы слупили

чуть ли не тройной тариф. Однако госпожа Фридендер не стала протестовать и даже отвалила портье свой стандартный доллар. Портье – продувная физиономия, похожая на яйцо с подрисованными черной тушью баками, – не побрезговал и долларом.

Получив ключ от номера, негр Джимми нас немедленно покинул. Мисс Фридендер громко, но доверительно сказала портье:

– Обязательно разбудите меня в шесть утра, Иваныч! По утрам я бегаю для своего здоровья! Завтрак не раньше восьми – тосты и немного молока...

Яйцо с бакенбардами заговорщицки ей подмигнуло. По-моему, при слове «тост» на ум этому типу приходило совсем другое – не связанное с молоком. Но это, собственно, была уже не моя забота.

– Во сколько мне завтра быть у вас, мисс Фридендер? – поинтересовалась я. – Или, может быть, мне следует сопровождать вас сейчас в ресторан? Вы, наверное, голодны?

– О, я никогда не ужинаю! – значительно произнесла американка. – Нужно думать о здоровье, не так ли? Но я прошу вас подняться сейчас в номер, дорогая! Нам надо обсудить с вами некоторые детали.

Парамонов тоже отправился с нами, хотя по его угрюмому лицу было видно, что тяжелый чемодан его уже достал.

Номер у госпожи Фридендер был трехкомнатный и довольно симпатичный. Из окна виднелись огни речного вокзала. Наверное, надменный Джимми получил апартаменты не хуже. Я представила, в какую копеечку влетит американцам эта ревизия, и даже посочувствовала им в душе.

Мисс Фридендер пробежалась по комнатам своего нового пристанища и тут же объявила нам, что у нее такое чувство, будто она узнает это место. В принципе это было недалеко от истины, потому что гостиничные номера в нашей стране похожи друг на друга как две капли воды.

Парамонов деликатно кашлянул и сообщил:

– Я завтра уезжаю, мисс Фридендер.

– О, ты уезжаешь, Ильич! – огорченно сказала американка. – Наверное, мне будет тебя не хватать.

– Я нашел вам прекрасную помощницу, – натянуто улыбнувшись, напомнил Парамонов.

– О! Высший класс! – оживилась фабрикантша, подмигивая мне.

Теперь она была готова сотрудничать со мной из одной, кажется, женской солидарности. Тщательно контролируя время, разумеется.

– Итак, дарлинг! – вскричала она, со всего размаху шлепаясь на диван. – Завтра мы приступаем с вами к работе. Может быть, Ильич сообщил, что у меня здесь благотворительный бизнес?

– Сообщил, – сказала я.

– Прекрасно. Мой Джимми проверит учет и работу фонда. Вы окажете мне услугу, если поможете Джимми справиться с этим делом. К сожалению, ему недоступны тайны великого русского языка, понимаете?

– Чего уж не понять, – пробормотала я. – Было бы странно, если они были ему доступны...

– Тогда завтра мы все отправимся в офис нашего фонда! – жизнерадостно заключила мисс Фридендер. – Вы очень обяжете, если предоставите вашу машину.

– Предоставлю, – кивнула я. – Больше не будет никаких пожеланий?

Американка задумалась, а потом, сделав загадочное лицо, произнесла:

– Будет одна маленькая просьба. Очень приватная. Если вдруг здесь появится один американец... – Она сделала многозначительную паузу. – Если вы его увидите, сразу сообщите мне!

Это было похоже на просьбу старого моряка из «Острова сокровищ» – следить в оба, не появится ли поблизости одноногий человек.

– Но, простите, – вежливо возразила я. – Каким образом я узнаю этого американца?

Мисс Фридендер беспечно махнула рукой.

– Нет ничего проще, – заявила она. – Этот человек обожает синие бейсболки и все вокруг фотографирует. Он пользуется «Полароидом», потому что не имеет терпения ждать.

– Ну что ж! – вздохнула я. – Портрет исчерпывающий. Как только увижу синюю бейсболку, я дам вам знать.

– Это очень важно! – с пафосом сказала мисс Фридендер, поднимая вверх палец.

Я изобразила на лице почтительную мину. Парамонов, который, услышав про одноногого человека, пардон, про американца с «Полароидом», странным образом разволновался, нетерпеливо сказал:

– Пожалуй, мы пойдем, мисс Фридендер. До встречи в Москве, мисс Фридендер. Гуд найт.

– Гуд найт, Ильич, – благосклонно сказала американка и, обернувшись ко мне, добавила: – Жду вас завтра в девять, дорогая.

– В девять буду на месте, – пообещала я. – Бай – бай!

– Бай! – мило улыбнулась мисс Фридендер на прощанье.

В лифте Парамонов намекнул, что не прочь проехаться до своей гостиницы на моей машине. У него было такое несчастное лицо, что я не стала ломаться.

– Ладно, отвезу вас. Только объясните мне, что за американец должен здесь появиться?

– Для меня самого это загадка, – искренне ответил он. – Ни о чем таком она раньше не говорила.

– Тогда скажите, почему она всех мужчин зовет только по отчеству, – потребовала я.

– Потому что убеждена, что русские мужики это обожают, – мрачно усмехнулся он.

Глава 3

Не знаю, задумывалось ли это специально или просто сработал закон бутерброда, но мы свалились на фонд помощи больным СПИДом как снег на голову. Как я выяснила со слов мисс Фридендер, фонд этот организовал некий деятель с говорящей фамилией Ситный. Каким образом он из нашей глуши сумел разыскать королеву унитазов и тронуть ее чувствительное сердце, история умалчивала, но за пять лет он получил из Соединенных Штатов гуманитарных грузов на несколько сотен тысяч долларов, неизменно предоставляя мисс Фридендер самые радужные отчеты о судьбе этих грузов.

Не то чтобы мисс Фридендер этим отчетам не доверяла – просто ее деловая американская натура призывала к личному участию, тем более что деятельность фонда проходила на земле ее предков. Мисс Фридендер просто хотела собственными глазами увидеть облагодетельствованных ею несчастных и, может быть, лично поблагодарить господина Ситного за его подвижничество. Надменный бухгалтер присутствовал в этой миссии только потому, что в денежных делах бухгалтер должен присутствовать обязательно – это убеждение мисс Фридендер воссала с молоком матери.

Мне же кажется, что разумнее было захватить с собой юриста – тем более что Америка просто кишит ими – или по крайней мере воспользоваться услугами Парамонова до выяснения всех обстоятельств.

Но моя клиентка ни о чем таком не думала, и в офис фонда вошла со счастливым лицом, точно здесь намечалась веселая вечеринка старых друзей.

Собственно, офис должен был сразу насторожить ее. Он располагался не слишком далеко от центра города на улице с подходящим названием Провиантская в одном из помещений так называемого старого жилого фонда. С одной стороны он был зажат захудалой нотариальной конторой, с другой – региональным отделением какой-то партии, название которой плохо укладывалось в голове.

Возле тротуара прямо напротив дверей фонда стояла «Лада» девяносто девятой модели лилового цвета. По привычке я на всякий случай запомнила ее номер – 364. Внутри офис сразу поражал воображение, потому что, войдя в дверь, вы сразу натыкались на батарею стальных бочек с навинчивающимися пробками. Что было в бочках, неизвестно, но выглядели они весьма внушительно. На свободном пространстве стояли два письменных стола. На первом помещался компьютер с цветным монитором, и какая-то девушка в сверкающих кожаных брюках увлеченно играла с умной машиной в карты. На другом столике ничего, кроме телефона, не было, и упитанный розовощекий молодец с задорной белобрысой челкой не менее увлеченно вел с кем-то переговоры насчет соснового бруса. На нем был шикарный серый костюм с отливом и бордовый галстук. Все это наводило на мысль о некоей строительной конторе, но я своими глазами видела вывеску над входом.

– Хэлло! – весело проговорила мисс Фридендер. – Могу ли я видеть господина Ситного, пли-из!

Розовощекий мгновенно вскинул на нас глаза, словно прицеливаясь, и быстро сказал отрывистым безапелляционным тоном:

– Он только что выехал – ждите. – И, снова прижав к щеке трубку, сказал без выражения: – Перезвоню позже.

Девушка за компьютером посмотрела на него с некоторым испугом и взволнованно облизнула напомаженные губы розовым язычком. А молодой человек, набычив круглую крепкую голову, шагнул к дверям, вежливо, но решительно отстранив невозмутимого Джимми, стоявшего на дороге.

– Пардон! Еще раз пардон! Позвольте пройти. – И уже от порога бросил растерянной девушке: – Я тоже уезжаю, Мелисса! Если мне позвонят, скажешь, что сегодня меня не будет.

В следующую секунду он исчез, а с улицы послышался шум отъезжающего автомобиля. Мисс Фридендер потопталась на месте, беспомощно оглядываясь по сторонам, но врожденный оптимизм все-таки взял верх, и она с прежней улыбкой осведомилась:

– Мы можем подождать здесь? Или господин Ситный вернется к определенному часу? Тогда мы могли бы подойти позже. А кто этот энергичный молодой человек? Я имею право знать, потому что я здесь не посторонний человек. Моя фамилия Фридендер! – Она благожелательно уставилась на девушку, ожидая от нее восторженной реакции.

Но, кроме испуга, хорошенькое лицо ничего не выражало. Хлопая длинными ресницами, она остекленевшими глазами смотрела на элегантного негра, стоявшего перед ней с невозмутимостью судебного пристава.

– Что же вы молчите, дорогая Мелисса? – с некоторым упреком сказала мисс Фридендер.

Последовал еще один панический взмах ресницами, и слабым голосом девушка проговорила:

– Я не Мелисса. Меня Екатериной зовут.

– Странно! А мне послышалось... – мисс Фридендер недоверчиво посмотрела на бедную Катю. – Но тем не менее нам хотелось бы ознакомиться с делами фонда – с отчетностью, штатами, планами, наконец... Вы давно здесь работаете?

– Я здесь вообще не работаю, – потерянными голосом сказала девушка. – Я только на минутку зашла – мы с Григорием Алексеичем должны были на шашлыки ехать. Но сначала он должен был позвонить...

– Подождите-подождите! Я ничего не понимаю! – замахала мисс Фридендер коротенькими ручками. – Куда вы должны были ехать?

– На шашлыки... – тихо сказала Катя, опуская голову.

– Все равно не понимаю! – в отчаянии произнесла мисс Фридендер. – Это фонд помощи больным СПИДом? И кто это – Григорий Алексеич, с которым вы должны были ехать на шашлыки?

– Григорий Алексеич – это господин Ситный, – послушно объяснила девушка Катя. – Он правда работает в каком-то фонде...

Мне показалось, что моя клиентка слегка побледнела. Признаться, меня тоже начинало мутить от запаха дешевого пенопласта, которым было отделано помещение, а на мисс Фридендер обрушилась вдобавок совершенно непосильная умственная задача.

– Послушайте, есть ли у вас что-нибудь прохладительное – пепси, спрайт, что угодно? – спросила она в сердцах и опустилась на первый попавшийся стул.

– Я не знаю, – жалобно ответила Катя и, еще раз покосившись на негра, сказала: – А можно я пойду?

– Куда же вы пойдете, – удивилась мисс Фридендер, – если вам надо дождаться Григория Алексеича? – Тут она просияла и сообщила мне по-дружески: – Верно, господина Ситного зовут Алексеичем! Как же я сразу не сообразила?

– А его уже теперь не будет, – бесхитростно поведала Катя. – Он же сказал, что сегодня не вернется...

Глаза у мисс Фридендер вылезли из орбит. Мне ситуация уже давно стала ясной, и я поспешила объяснить:

– Послушайте, Линда! Можно я буду называть вас так для краткости? Этот тип в сером костюме и был Ситный. Он попросту смылся. Думаю, сегодня он уже точно не появится. А девушка Катя, как я предполагаю, здесь вообще человек посторонний, верно, Катя?

Девушка застенчиво кивнула.

– Позвольте, что же она здесь делает? – возвысила голос американка. – Сидит здесь, играет с компьютером...

– А я всегда играю, когда попадетсЯ компьютер, – простодушно объяснила Катя. – Но если нельзя, я не буду.

– Компьютер нам сейчас понадобится, – заявила мисс Фридендер. – Надеюсь, мы сумеем найти в его памяти все, что нам нужно! – И она, обернувшись к Джимми, по-английски попросила его заняться с компьютером.

Он наклонил голову и, ослепительно улыбнувшись, шагнул к столу. Екатерина поспешно вскочила и, неуверенно посмотрев на нас, сказала:

– До свидания. Я пойду?

Я догнала ее уже на улице и, придерживая за локоть, поинтересовалась:

– Минуточку, милая! Ну-ка быстренько скажи мне адрес твоего Ситного. И не вздумай водить меня за нос, иначе у тебя будут очень большие неприятности – это я тебе обещаю.

Бедная Катя, чуть не плача, сказала:

– Я просто девушка по вызову, и все. Ничего такого я не знаю. Правда, он возил меня как-то раз к себе домой – это в новом районе за аэропортом, – но я же не спрашивала, какой у него адрес. У него роскошная четырехкомнатная квартира в таком огромном доме... Но я даже номер не запомнила, правда.

– Ладно, верю, – успокоила я ее. – А скажи, это его машина стояла здесь у тротуара? Он всегда на ней ездит?

– Его, – кивнула девушка. – Он ее недавно купил. А вы из милиции?

– Ну что ты! Поднимай выше! – сказала я. – Мы прямо из ЦРУ. Слышала про такое?

Она снова кивнула – с самым серьезным видом. Наверное, эта бедняжка была родом из какого-нибудь забытого богом поселка и свое нынешнее положение рассматривала как шаг наверх по жизненной лестнице. Мне больше не хотелось ее пугать.

– Просто держи язык за зубами, – ласково сказала я, – и все будет хорошо.

И опять она только кивнула, как бы подтверждая, что молчание совершенно естественное для нее состояние. Я вернулась в офис.

Бухгалтер Джимми с брезгливым и снисходительным видом сидел и что-то набирал на клавиатуре компьютера. Рядом стоял его роскошный ноутбук цвета стали, который негр при-тащил с собой. Наверное, он намеревался скачать информацию с компьютера фонда, чтобы исключить последующие неожиданности. Мисс Фридендер терпеливо сидела в сторонке, с некоторым ужасом разглядывая загадочные бочки у входа. Мне подумалось, что англоязычному Джимми понадобится моя помощь, подошла ближе и встала у него за спиной.

На мониторе последовательно появлялись какие – то посторонние картинки и загадочные таблицы – например, там промелькнула сводка о примерной стоимости жилого фонда по городу. Мне показалось, что Джимми начинает нервничать.

Неожиданно на экране возникло изображение совершенно голой блондинки с алой розой в зубах. Звуковое сопровождение сыграло несколько тактов песенки «Зайка моя», и вдруг компьютер зашипел.

В левом верхнем углу монитора возникла ослепительная белая точка, которая быстро смещалась по горизонтали, оставляя за собой угольно-черную полосу. Добежав до конца экрана, искра спрыгнула на строку ниже и покатилаcь обратно, старательно и неумолимо выжигая все на своем пути. Компьютер шипел как встревоженная змея. Джимми в отчаянии попытался остановить точку, нажимая на какие-то клавиши. Но его усилия оказались тщетными – проклятая искра металась по экрану как угорелая, оставляя после себя прах и пепел. В довершение ко всему в недрах компьютера что-то шелкнуло, треснуло, и из-под панели полезла широкая полоса дыма, похожая на голубую папиросную бумагу.

Впервые я увидела на темном лице Джимми выражение растерянности. Он оттолкнул стул и встал, обеими руками вцепившись в свой ноутбук, словно боялся, что и на него может перекинуться неизвестная зараза.

Мне показалось, что самым разумным в такой ситуации будет обесточить стационарный компьютер, и выдернула вилку из розетки. Однако, несмотря на принятые меры, компьютер еще минуты две чадил и потрескивал, а слепящая точка продолжала носиться по монитору, пока не выжгла люминофор окончательно.

Бухгалтер Джимми с большим достоинством сложил свой ноутбук и посмотрел на хозяйку, ожидая распоряжений. Она же обернулась ко мне, видимо, надеясь, что я сумею растолковать ситуацию, которая никак не хотела укладываться у нее в голове.

– Компьютер сгорел, – сказала я громко, словно собеседница моя страдала глухотой. – Его нет! Конец.

– И что же в таких случаях делают в России? – с болезненным любопытством спросила мисс Фридендер.

– Обычно в таких случаях проветривают комнату, – сказала я. – Но нам нет смысла этим заниматься – все равно сегодня здесь уже никого не будет...

– Дорогая! Но я хочу ознакомиться с работой фонда! – обиженно воскликнула американка. – Полагаю, здесь имеются какие-то гроссбухи...

Я с большим сомнением окинула взглядом помещение и сказала:

– Ну, вообще-то общее впечатление мы, кажется, уже получили. А что касается гроссбухов...

Я подошла к столу, на котором стоял телефон, и выдвинула верхний ящик. Там лежала пустая пачка из-под сигарет «Мальборо» и женский роман Ванессы Ле-Форестье «Остров наслаждений» с завивающимися от частого употребления страницами. Я продемонстрировала свои находки мисс Фридендер. У нее был такой вид, что я испугалась, как бы она сию же минуту не потребовала пепси.

– Думаю, нам можно уходить, – осторожно сказала я. – Больше здесь ничего интересного не будет. Разве что сгорит телефон.

– Такое возможно? – с ужасом спросила мисс Фридендер, отодвигаясь от аппарата подальше.

– У нас все возможно, – заверила я ее. – Возможно даже, что мы еще увидим и господина Ситного, хотя лично я в этом сильно сомневаюсь. – Но кто-то же должен запереть наконец офис! – в полном бессилии вскричала мисс Фридендер.

– Здесь английский замок, – возразила я. – Мы можем просто захлопнуть дверь.

Так мы и поступили. На улице тени под деревьями укорачивались и бледнели. На стеклах проезжающих машин весело поблескивало солнце. По – летнему одетые прохожие украдкой разглядывали элегантного негра с чемоданчиком в руках. Он же, как обычно, смотрел поверх голов и, наверное, вспоминал родной Миннеаполис, где компьютеры не горят, а выдают информацию, а в офисах не стоят стальные бочки с неизвестным содержимым. Думаю, уверенность мисс Фридендер в своем понимании России тоже слегка поколебалась. Но не до конца – это было ясно по тому, как она твердо сжала губы и взмахнула своей внушительной сумкой.

– Я знаю, что мы сделаем! – заявила она. – Мы немедленно поедem к мистеру Ситному домой, и я выскажу ему все, что думаю!

– Сначала было бы неплохо выяснить, где этот дом, – скептически заметила я.

– Адрес можно разыскать в телефонной книге! – победоносно провозгласила мисс Фридендер.

Мы доехали до ближайшего почтового отделения и смогли убедиться, что в телефонной книге мистер Ситный не значится. Я не очень-то удивилась – у меня вообще появились серьезные сомнения, что эта фамилия подлинная. Но настаивать на своей версии я не стала – в конце

концов, мне платят деньги не за это. Пусть мисс Фридендер сама разбирается со своими партнерами. Энергии у нее хоть отбавляй.

Мы побывали и в адресном столе, где моя клиентка прибегла к помощи заветной пачки, перетянутой розовой резинкой. Сыграла ли роль солидная физиономия президента Вашингтона, или же справки здесь выдавали и за меньшую плату, но адрес мистера Ситного мисс Фридендер получила очень быстро. Согласно бумажке, которую она мне с торжествующим видом показала, председатель фонда помощи больным СПИДом проживал на Большой Затонской улице – в самом ее конце, где город, собственно, уже кончался.

– Не думаю, что нам стоит туда ехать, – сказала я. – Давайте я отвезу вас в гостиницу, а сама попробую разыскать адрес вашего друга по номеру его машины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.